

От Верки ушёл муж. Долго он собирался уходить – почти десять лет. Только соберётся, обязательно что-нибудь в деревне произойдёт. То свадьба, то проводы в армию, а то кто-нибудь из тюрьмы вернётся. И каждый такой праздник на неделю, а то на две растягивается.

Но вот так получилось, что наступила полоса отрезвления, осмысливания своего бытия в этом мире.

Это самая чёрная полоса в жизни русского мужика. Сколько разных непонятных для ума дел и поступков совершается в такое время. Бывает, проснётся утром муж – голова не болит с похмелья и видит, рядом с ним женщина спит. Такая спокойная, тихая, что даже не верится. Хочется её милой назвать. И начинает он с утра думать, размышлять, вот ведь какой я плохой муж и отец, совершенно некогда жену приласкать и детей.

Обычно на самом интересном месте жена просыпается и направляет размышления в другую сторону.

Верка, конечно, не такая, как большинство женщин, потому что некрасивая. У неё никогда талии не было. Уже с двух лет её мама звала «моя толкушечка», а как выросла, то её все в деревне уже Толкушкой звали.

Смирилась Верка с прозвищем в школе, когда учительница по литературе читала всем Гоголя, а тот ещё в свои времена заметил, какой меткий и зловредный русский язык. Вон продавщицу Люську Графиной зовут, мол, на графин похожа. Нет, лучше уж Толкушкой быть.

Так вот, однажды проснулся муж Веркин и удивился, что он, такой красивый и стройный, выбрал себе в жёны далеко не соответствующую своему облику жену.

– Чёрт меня побери, и куда мои глаза глядели десять лет назад? Наверное, я пьяный был.

Собрал чемодан, тот самый, с которым со службы пришёл, положил в него свою флотскую дембельскую форму с бескозыркой, костюм, который ему Верка купила, и отчалил.

– Мы разошлись с тобой, как в море корабли. Зовёт мою просолённую морской водой душу ветер странствий, ветер скитаний. Хочу окунуться в бурю житейских волн, почувствовать шторм чужих страстей, а когда устану от них, вернусь в эту тихую гавань к тебе и дочери, – сказал он Верке на прощание.

– Проваливай, и когда будешь у какой-нибудь красавицы на побегушках и вспомнишь про меня и свою дочь, то пусть твоя скупая мужская слеза будет для тебя горше, чем солёная горечь морской воды, – ответила ему Толкушка.

Вот так всё и произошло.

Целый год Верка Толкушка жила без мужа. Заскучала даже.

«Ну и пусть мужик редко трезвый был – это даже к лучшему, а то, видишь, как получилось», – думала она.

– Мамка, ты не переживай, найдём мы мужика. Знаешь, в Интернете сколько иностранцев мечтают познакомиться и взять в жёны русских женщин, – сказала ей однажды десятилетняя дочка.

– А что, свои у них перевелись?

– Не перевелись, но говорят, заелись, принцев всем подавай. А у нас пока ещё выбора нет, какой-никакой, а всё мужик.

– Ой, правда, твоя.

– Значит, я тебя вставляю в список и биографию твою с фоткой отправляю.

– Отправляй, всё одно такую некрасивую никто не возьмёт за себя.

Не прошло и месяца, как из далёкой Бразилии пришло на компьютер дочки письмо.

Писал какой-то Педро. Педро имел своё

хозяйство, несколько коров, поля и не имел жены. Ему понравилась Верка, и он пригласил её поговорить по скайпу, чтобы поближе познакомиться. И вот перед скайпом в Веркиной хате собралась почти вся деревня – всем хотелось посмотреть на дон Педро, как уже его окрестили соседи.

Дочка включила скайп, и на экране появился, наверное, сам Педро. Это был лысоватый мужчина лет за сорок. Он начал говорить по-русски, но с таким смешным акцентом, что те, кто стоял в задних рядах, стали хихикать.

– Очень рад видеть тебя, Верка Толкушка, и твоих родственников. Это карашо, что их у тебя много, у меня тоже много, и ты их познакомишься потом. Когда твой дочка написал, что ты есть Толкушка, я очень был рад. Русский слово толковый, значит, умный, рассудительный, правильный. А Педро значит камень, твёрдый. Мы с тобой будем очень хороший пара. Ты будешь ходить за мой муж?

– Во, блин, даёт, уже в постель тащит, – прошептал кто-то из тех, кого не захватывала камера.

– С этим делом у них полный порядок, сериалы надо было ихние смотреть.

– Да тише вы, тут свой сериал идёт, послушаем, что ему Толкушка скажет.

Тем временем Верка встала, будто бы поправить юбку, а на самом деле показать Педро свою фигуру. У Педро заблестели глаза и, похоже, потекли слюни.

– А позвольте вас спросить, Педро, вы весь твёрдый али как?

– Мой имеет твёрдый дух и твёрдый слово.

– Ха, удивил твёрдым духом. Мой, когда спит, от него такой дух идёт, что я боюсь спичкой чиркнуть, – сказала Веркина подруга Маня Хрипатая.

– Да, вить, он не про той дух сказыват, – прошамкала бабка Петренчиха, которая всегда оказывалась в любой компании, – дайте мне его спросить. Милай, скажи, а куда ты рабыню Изауру подевал, что теперь хочешь нашу Верку к себе забрать?

– А ведь точно, это у них дон Педро над Изаурой измывался. Верка, Верка, куда ты собралась, непутёвая?

– Никуда я ещё не собралась, дайте мне с человеком поговорить из другой страны, а то за державу обидно.

– Вот, вот, спроси у него про эту самую державу, есть там за что поддержать?

Педро смотрел с экрана, прислушивался и пытался понять, что говорят родственники Верки Толкушки.

– Уважаемый Педро, спасибо тебе за телемост между нашими странами и за знакомство. Мы все здесь на тебя посмотрели и будем решать – пойти мне за твой муж или нет. Своё решение я тебе обязательно сообщу. Ола, Педро!

– Чёй-то она ему «ола» сказала?

– А это по-бразильски привет значит.

Педро помахал с экрана рукой, и Веркина дочка выключила скайп. Все недовольно стали расходиться.

– Какой-то он невзрачный, этот дон Педро. В сериале такого мужика показали, а этот на нашего бухгалтера похож. Нет, определённо Верке не подойдёт этот бразилец.

А на другой день в деревне новое событие. Вернулся Веркин муж. Кто-то из его друзей, видимо, позвонил ему, и тот напялил на себя свою форму, сдвинул на ухо бескозырку и лёгкой, покачивающейся походкой шёл по улице к дому, из которого ушёл год назад.

Толкушке уже сказали, что вернулся её муж, испугался, что какой-то там дон Педро увезёт её к себе в Бразилию и сделает своей рабыней.

Верка Толкушка стояла у калитки и смотрела, как приближается к ней её бывшее сокровище. В руках у лихого морского волка был букет красных роз.

«Неужели это мне?» – подумала Толкушка и вдруг, подбоченясь, пропела:

А я узнала милого по походке,

Он в бескозырке и носит брюки клёш,

Я знала, милый, ты вернёшься

И лучше меня ты не найдёшь...

– Вера, прости меня, подлеца! Нет в моей душе места ни для каких красавиц, в ней только твоё место. А ты для меня самый надёжный порт. И никакая ты не Толкушка больше, твои формы напоминают мне эсминец, на котором я служил, и дороже тебя для меня никого нет.

Что ещё могу добавить. Гуляла деревня целую неделю, и, однако, будет прибавление в семье Верки.